

К проблеме земледелия

„Деревня (т.е. крестьянство нашего Союза) живет на пороге физиологических норм существования и не может служить сколько-нибудь заметным источником для социалистического накопления“, — пишет Струмилин.¹

По странному, на первый взгляд, совпадению на другом полушарии — Форд, в своей последней книге,² на мысль Струмилина, но с точки зрения частно-капиталистического накопления, отвечает вопросом: „А разве было когда-нибудь время, когда земледелец наживал капитал?“

„Если это и было, — продолжает он, — то американский фермер достигал этого только тем, что сберегал каждый грош, отрывая его от заработка семьи“.

После чего излагает мысль Струмилина почти его же словами:

„Американский фермер еще очень недавно совершенно не ждал дохода от земли. Он редко видел деньги. Над всеми его запросами доминировал один: получить достаточное количество пищи и иметь место для ночлега. Традиции фермы сводились к простому поддержанию жизни“.

И только тогда, когда его ферма, под влиянием водоворота в промышленном и торговом мире, перестала жить изолированной жизнью, а сам фермер, неожиданно для себя, из своего маленького самодовлеющего мира переселился в широкий мир промышленности, — он почувствовал себя неудовлетворенным.

„Теперь все фермеры жалуются, что им приходится работать без устали целый день, а между тем эта работа даже и при образцовом севообороте дает очень мало, а часто почти ничего“.

Те же жалобы слышатся и у нас. Они указывают на то, что земледелец и у нас и в Америке ощущает одну и ту же болезнь — нерентабельность земледельческого труда.

Конечно, масштаб удовлетворения своих потребностей у американского и нашего земледельца неодинаков, но от этого существование основной мысли обоих авторов, антиподов как по своей идеологии, так и по странам, не изменяется.

¹ С. Струмилин, „Перспективная ориентировка Госплана на 1926/27 и 1930/31 гг.“ „Экон. Жизнь“, № 66 и 67, 1927 г.

² Г. Форд, „Сегодня и завтра“. Проблема земледелия.

Форд эту мысль формулирует так: „Суть в том, что в то время, когда промышленный мир двигается вперед, фермер стоит на месте“.

Струмилин подтверждает ее цифрами. В то время как общий уровень производительности сельского труда в нашем Союзе за пять лет (с 1925 по 1930 г.), считая на одного работника, подымется только на 4,4%, производительность городского труда подымется за это время на 43,6%.¹

Правильность этой мысли подтверждают и балансовые данные народного хозяйства за 1923 г. обеих стран.

По данным баланса ЦСУ, „на 100 часов человеческого труда валовая продукция в фабрично-заводской промышленности нашего Союза в 1923 г. достигла 1.826 руб., а чистая — 837 руб., в то время как в сельском хозяйстве валовая продукция за тот же год дала 190 р., а чистая — 119 руб.“²

А в Америке?

„Физический объем производства в Соед. Штатах в сельском хозяйстве в 1923 г. по сравнению со средним за 1909 и 1914 гг. возрос почти в три раза меньше, чем в промышленности, а перед войной (1908/09 г.) он отставал от промышленности в два раза“.³

И так, при оценке сельского труда непреложным пока остается одно положение, что эта работа — трудная. Однако, за пот современный мир денег не платит; платит за результаты.

Какие же дефекты в американском земледелии мешают этим результатам?

Пока на цифровых данных мы останавливаться не будем. Остановимся только на выводах некоторых американских и европейских экономистов.

„Современное земледелие в Америке похоже скорее всего на расхищение богатств, чем на сельское хозяйство. Оно сводится к хищническому расточению естественных ресурсов“.⁴

„Не будем осуждать, — пишет Ст. Чез, — тех людей, которые, добывая лес, вырубали для этого самые большие деревья. Истребляли животных и птиц. То были „пионеры“ Америки. Их время прошло. И мы не можем без конца со снисходительностью относиться к разрушительной деятельности современного земледельца, хищнически растрачивающего ресурсы страны. Хаос должен смениться порядком“.⁵

Но как сменить этот хаос, когда „старое, крепкое землевладение Европы для Америки является почти неизвестным понятием“.⁶

¹ С. Г. Струмилин, цит. статья.

² В. Громан, „Баланс народного хозяйства“, „План. Хоз.“, № 11 за 1926 г.

³ И. Гершман, „Новейшие успехи в области изучения сельскохозяйственных конъюнктур“, „План. Хоз.“, № 1, 1927 г.

⁴ Г. Форд, „Сегодня и завтра“, Проблемы земледелия.

⁵ Ст. Чез, „Трагедия расточительности“.

⁶ Ю. Гирш, „Успехи организации американского хозяйства“.

Ведь только в последнее десятилетие прошлого века в Америке закончилось первое заселение страны.

Земля оказалась занятой, и цена на нее стала сильно расти.¹

До этого недавнего прошлого каждый пионер в поисках счастья мог уйти на новую территорию, взять здесь кусок земли и сделать из нее ферму, т.-е. „из ничего создать нечто“.²

Этот дух пионерства жив и до сих пор. Когда в другом месте оказывается более выгод или по условиям почвы, или по близости рынка, или по оплате труда, фермер без долгих размышлений покидает свой дом. Вот почему „американский дом“ как в городе, так и в деревне, „не имеет воспоминаний и традиций прошлого“.³

Наличность свободных пространств и „пионерный“ дух естественно придавали земледелию экстенсивный характер, а недостаточность рабочих рук привела фермера к машинной обработке земли.

„В сущности, в Соед. Штатах сельскохозяйственные работы в значительной мере являются не работами над почвой, а работой у машин“, — пишет Гирш.⁴ Искусственные удобрения, в частности, азот почти не применяется при возделывании злаков, корнеплодов и употребляется в тех отраслях хозяйства, которые в Европе мало распространены или совершенно отсутствуют, а именно в производстве хлопка, сахарного тростника и табака.

„Если бы вы прибегали к искусственным удобрениям, вы бы снимали двойной и даже тройной урожай против нынешнего“, — пробовал Гирш убедить фермера плодородного Запада.

„Если мы хотим больше производить, — ответил фермер, — мы просто расширяем распашку — с хозяйственной точки зрения — это обходится дешевле“.

Ответ фермера характерен для американского земледелия с его машинным способом обработки.

Но и лошади в сельском хозяйстве Америки далеко не так исчезли, как это можно предположить на основании сведений о распространении машин, в особенности тракторов, на фермах.

„Одна голова рабочего скота в среднем приходится на пять десятин культурной земли, а один трактор на 370 десятин“.⁵

В итоге, по вычислениям американского министерства земледелия, распространяющимся на Германию, Францию, Бельгию и Англию,

¹ Один акр земли (0,4 дес.), уже бывшей под плугом, стоил (средняя для всей страны): 1900 г. — 19 долл., 1910 г. — 35 долл., 1920 г. — 69 долл. С тех пор по официальным данным, имеющимся под конец 1924 г., стоимость акра упала до 50 долл. (Гирш). У Файлера стоимость акра культурной земли в 1920 г. показана в 107 долл., а в 1924 г. — 78 долл.

² Файлер, „Америка и Европа“. Отдел „Сельское Хозяйство“.

³ Файлер, там же.

⁴ Гирш, „Успехи организации американского хозяйства“ (тот же отдел сельского хозяйства).

⁵ Проф. Белянчиков, „Трактор в сельском хозяйстве“, „Вестник с.-х. кооперации“, № 17—21, 1926 г.

выяснено, что урожай с гектара земли в Средней и Западной Европе на 41% выше, чем в Америке, но при одинаковой затрате труда в Америке, вследствие естественного плодородия, получается в 2,6 раза больше сельскохозяйственной продукции, чем в Европе.

Это дары природы, о расхищении которых так сетуют Чез и Форд. Легко себе представить, какие результаты получились бы при интенсивной обработке земли в Америке. Тогда земли хватило бы не только на 300 млн. человек, как вычисляет Ежегодник министерства земледелия Соед. Штатов на 1923 г., а гораздо больше.

Но, кроме интенсификации, Форд выдвигает и другую проблему.

Она сводится к следующему. В то время как промышленность основана на непрерывной работе, земледелие носит все характерные черты сезонной работы.

„Если приглядеться ближе к американскому земледелию, то нас более всего поразит огромное количество ненужного труда“.

Фермер каждый год тратит не более месяца на то, чтобы подготовить почву к произрастанию и затем убрать урожай.

Все же остальное время он ухаживает за скотом или выполняет мелкие работы, которые отымают у него массу времени, но заработка не дают. Если с фермера будет снята забота о скоте, ему потребуется не более полумесяца на чисто земледельческую работу.

Но земледелие не составляет исключения из того общего правила, которое гласит, что месяц работы не может обеспечить 12 месяцев жизни.

Центральная проблема земледелия у Форда сводится к тому, чтобы фермер нашел какой-нибудь иной побочный заработок, кроме сельского хозяйства.

Он указывает, что централизм продовольственной промышленности, т.-е. механической обработки органически готового сельскохозяйственного продукта, в настоящее время связан с огромными транспортными и организационными издержками и потому слишком убыточен для того, чтобы продолжаться и дальше при высококоразвитой общественной жизни.

„Почему бык, выращенный в Техасе, перевозится на бойню в Чикаго и подается на столе в Бостоне? Этот вопрос, — пишет Форд, — остается неразрешенным до тех пор, пока еще существует возможность всех потребных для Бостона быков производить вблизи Бостона“.

„Быть может, мы увидим, как воскреснут маленькие двигатели“, ибо „день, когда перестали существовать деревенские мельницы, был дурным днем в американской жизни“. Быть может, „кооперативное сельское хозяйство сделает такие успехи, что мы увидим фермерские общества с собственными бойнями, в которых доморощенные свиньи будут превращаться в ветчину и сало, а на собственных

мельницах возделанное фермером зерно будет превращаться в рыночный товар“.

Однако, рост американской кооперации наблюдается только в области сбыта с.-х. продукции. По данным Департамента земледелия Соед. Штатов¹ число кооперативных организаций за десять лет (1915—1925 гг.) в сельском хозяйстве возросло с 5.424 до 10.800, т.-е. в два раза, а их обороты с 636 млн. долл. до 2.400, т.-е. почти в четыре раза.

Причины быстрого развития кооперации по сбыту с.-х. продукции, главным образом, заключаются в том, что „из каждого доллара, затрачиваемого потребителем, — как пишет Гирш,² — земледелец и тот, кто производит дальнейшую переработку продукта, едва ли получают больше 40—50%, транспортные издержки поглощают 10—20%, а торговля (во всех ее звеньях) по меньшей мере 40%“.

По производственному в Соед. Штатах обследованию оказалось, что из каждого доллара, уплачиваемого потребителем за картофель, в 1923 г. получали центов: производитель и фрахты—49, торговля—51 (картофель из штата Мена франко Бостон).

Издержки по изготовлению овсянки выражались в 30,52%, по распределению — 69,48%. За калифорнийский апельсин производитель получал 40%, а остальное — перевозка, упаковка и торговля (последняя 36%).

Но американское сельское хозяйство в настоящее время начинает перестраивать не только свою торговую стадию, но и самое производство злаков.

С одной стороны, как и прежде, еще идут поиски новых пространств, погоня за более плодородными землями, и в то же время — отказ от расширенной площади в пользу более интенсивного ее использования.

Движущие силы этого второго процесса для американского земледельца не вполне ясны, да и самый процесс только начинается.

Дело в том, что сельскохозяйственная площадь Соед. Штатов с 1900 г. по 1910 г. возросла, приблизительно, на 25%.³ С 1910 г., вследствие чрезвычайного усиления спроса во время войны, она еще увеличилась, однако, не больше, чем на 5%.⁴ Загадкой для фермера является то обстоятельство, что после того как голодная блокада Центральной Европы снята, когда прежний его конкурент — Россия —

¹ Цифровые данные взяты из статьи Ушкалова, „С.-х. кооперация Соед. Штатов“. „Вестник с.-х. кооперации“, №№ 19—24, 1926 г.

² Ю. Гирш, „Успехи организации“, а также „Экономика торговли“.

³ Н. О синский в „Очерках мирового рынка“ исчисляет увеличение площади на 15%, Гирш и Файлер — на 25%.

⁴ По обследованию Департамента земледелия в 1919 г. вся земельная площадь Соед. Штатов равнялась 1.903 млн. акрам, из коих под фермами: возделанных земель — 365 млн. акр. и невозделанных — 115 млн. акр., всего под фермами, таким образом, 480 млн. акр.; под лесами 483 млн. акр., лугами 131 млн. акр., степями — 587 млн. акр., под городами (сюда входят и негодные земли) 122 млн. акр.

не доставляет уже той массы хлеба и кормов, которую доставляла раньше, — американский фермер годами не может найти рынка сбыта для избытка своих сельскохозяйственных продуктов.

Этот кризис длится с 1921 г. и признается всеми американскими авторитетами.

Краткий период улучшения имел место до и после президентских выборов 1924 г. Затем снова последовали прорывы в повышенном уровне цен.

И это происходит в то время, когда мировое сельское хозяйство, несмотря на то, что перешагнуло довоенный уровень, все-таки отстает от прироста народонаселения.

Одни из экономистов относят это явление насчет понижения покупательной способности Европы и смотрят, как на временное явление, находящееся в зависимости от увеличения населения и усиления потребления продуктов питания.

Другие видят в нем начало перелома, начало того мирового периода, когда тысячелетний земельный голод стал обращаться в пресыщение земель, местами — в отказ от нее, правда, при соответствующей интенсификации обработки лучших земель.

Так, по мнению Гирша,¹ время, когда люди вели кровопролитные войны из-за пространств, доставляющих средства существования, прошло.

„Уже можно формулировать положение, что со временем пространство, на котором живет человек, будет достаточно для его прокормления.“

Сущность его разрешения можно почти всецело свести к чисто математической проблеме, а именно: сколько угля или электрической энергии нужно превратить в средства удобрения, чтобы на меньшем пространстве производить большее количество продуктов. А затем нужно определить, где находятся наиболее пригодные для этого пространства земли.

В 1925 г. немецкое сельское хозяйство потребило почти вдвое большее количество азота, чем в 1913 г.

Потребление продуктов питания в Германии, все еще отстающее от довоенного, непрерывно улучшается, тогда как ввоз сравнительно увеличивался в меньшей степени, а иногда даже понижался. Так, в 1924 г., когда урожай был безусловно неблагоприятным, ввоз хлебных и кормовых злаков в Германию едва равнялся половине довоенного привоза.

Германия заменила и потерянные после войны земли и ввоз иностранных сельскохозяйственных продуктов азотом, добываемым из воздуха и бурого угля.

„Быть может, со времени возникновения сельского хозяйства, ведущегося на основании не только традиции и личного опыта, но

¹ Гирш, „Успехи организации“.

и научных данных, это самый разительный пример неприменимости „закона об убывающем плодородии почвы“.

Этот новый, только намечающийся процесс в земледелии предвещает и новые задания.

Быть может, он уже стал влиять и на американского земледельца и заставляет его ближе присмотреться к своему небольшому участку с целью его большей интенсификации, чем искать новые пространства или расширять свою площадь.

Сильные колебания цен на сельскохозяйственные продукты в то же время заставляют американского фермера не без опасений относиться к земельным улучшениям широкого размаха, каковыми, прежде всего, являются оросительные сооружения.

Несоответствие между издержками производства и рыночной ценой на сельскохозяйственные продукты здесь дает себя чувствовать.

С другой стороны, как правильно указывает Н. Осинский в работах об американском сельском хозяйстве, фермеру приходится бороться и с расхождением сельскохозяйственных и промышленных цен.

Интересное объяснение этому явлению мы находим в статьях Гершмана.¹ Оно сводится к географическим фокусам ценообразования.

Перед войной географический фокус сельскохозяйственного ценообразования имел свою локализацию в России, точнее в сфере экстенсивно-отсталого сельского хозяйства, без товарных излишков которой мировой рынок не мог обойтись, но извлекать эти излишки мировому рынку приходилось только с помощью все более повышающейся расценки продуктов. Поэтому Россия служила опоркой высокой трудоценности Америки. Иными словами — высокая оценка единицы продукта в России давала возможность американскому фермеру получать более крупный чистый доход.

После войны, благодаря огромной экспансии в сельском хозяйстве Нового Света, мировой рынок освободился от зависимости, от излишков экстенсивно-заотсталой сферы сельского хозяйства, но вместе с тем произошло географическое перемещение мирового фокуса ценообразования из России в Новый Свет. В результате рост технической производительности труда перестал быть дифференциальным, но только в американском сельском хозяйстве, а не в промышленности.

Ставши не дифференциальным, а абсолютным в сфере сельского хозяйства, он уже не создавал новой доходности, а только снижал рыночный уровень цен.

¹ И. Гершман, „Сельское хозяйство и промышленность“. Журнал „Земля“, №№ 3, 4, 1926 г. и „Новейшие успехи в области изучения сельскохозяйственных конъюнктур“, „План. Хоз.“, № 1 за 1927 г.

Так как „средним общественно-необходимым трудом“, определяющим ценность, в промышленности, и после войны остался европейский труд, а не американский, то отсюда и произошло то, что народнохозяйственная доходность сельского труда повысилась после войны (до 1923 г.) только на 7%, а в промышленности на 39%.

Мы не будем входить в критику всех перечисленных теорий, объясняющих затяжной кризис в американском сельском хозяйстве.

Для нас важно констатировать, что все они, в конечном счете, упираются в рынок и его цены.

Длительное изменение в соотношении цен, идет ли оно со стороны спроса (объяснение кризиса в американском сельском хозяйстве Осинского, Денике и др.), или со стороны предложения через изменение производственной техники (объяснение кризиса Гиршем), неуклонно сопровождается перестройкой сельскохозяйственного производства.

Умеет или не умеет хозяин-практик объяснить ценообразование, но он должен приспособить к ценам свое производство, иначе оно не будет жизнеспособным.

„Каждому соотношению цен, — пишет проф. Лаур в своем курсе с.-х. экономии, — соответствует свой оптимальный уровень интенсивности с.-х. производства, переходить за который значит — понижать рентабельность хозяйства“.

При этом необходимо помнить, что усиленное приложение к земле труда еще совсем не означает интенсивной системы хозяйства, как и, наоборот, тщательная экономия труда может уживаться с высоким уровнем интенсивности.

В Соед. Штатах на акр кукурузы в 1850 г., до введения в дело машин, требовалось 39 рабочих часов, в 1917 г. (с введением машин) — 19 рабочих часов, в 1923 г. — минимум затраты труда — 6,5 рабочих часов.

Таким образом, современный предельный минимум труда составляет только 1/6 того, что было 70 лет тому назад.¹

Успехи механики и в этой области сняли с плеч человека 5/6 его физического труда и взвалили его на сталь и железо.

На молотбу десятины пшеницы в Харьковской губ. тратится, обычно, 15,9 раб. дней, а в Канаде 2,5 раб. дня.²

Иными словами, невооруженность труда заставляет нашего крестьянина вкладывать в шесть раз больше усилий, чем в Канаде. Но подойдем к тому же вопросу со стороны усовершенствования механики.

Американская средняя стоимость уборки и обмолота 17 бушелей с акра урожая обыкновенным машинным способом стоит 22,6 центов на бушель (или 29 коп. за пуд.). С помощью комбинированной

¹ Пример взят из книги Осинского, „По сельскохозяйственным штатам Сев. Америки“.

² Гершман, „Сельское хозяйство и промышленность“. „Земля“, № 3 за 1926 г.

жатки-молотилки — 3,4 цента на бушель. Иначе говоря, при работе комбинированной машины экономия расходов составляет около 26 коп. на пуд зерна.¹

Этих примеров достаточно для выяснения постоянной смены состава затрат в зависимости от эпох, стран и типов хозяйств, но не интенсивности, как таковой.

Для выяснения последней нужно подойти со стороны баланса данного хозяйства, т.-е. учета всех его приходо-расходных статей.

Воспользуемся материалом, проработанным Г. Студенским, по его обследованию 50 губерний Европейской части России в период 1909 — 1916 гг.²

Валовой доход этих губерний, т.-е. весь годовой результат земледельческого и животноводческого производства, выражался в сумме 8.560 млн. руб. Из этой суммы земледелие давало 6.129 млн. руб., а продуктивное животноводство — 2.431 млн. руб.

На душу сельского населения и на десятину площади этих губерний приходилось:

	На душу	На десятину
От земледелия	57,6 руб.	33,5 руб.
„ животноводства	22,9 „	13,3 „
Всего	80,5 руб.	46,8 руб.

Уже из этих цифр выявляется: во-первых, подавляющий уклон с.-х. производства 50 губерний в сторону земледелия и, во-вторых, цифры валового дохода с десятины указывают на слабую интенсивность производства.³

Валовой с.-х. доход с десятины в Швейцарии приблизительно в это время (1910 г.) выражался в сумме 273 руб., т.-е. почти в 6 раз был больше нашего.

Для того чтобы выявить величину чистого дохода, нужно из валового вычесть израсходованный капитал, т.-е., во-первых, амортизационную долю основного капитала или амортизацию хозяйствен-

¹ И. Гершман, „Новейшие успехи в области изучения с.-х. конъюктур“. „План. Хоз.“ № 1 за 1927 г.

² Цифровой материал взят из разных отделов книги Г. Студенского, „Очерки сельскохозяйственной экономики“.

³ Состав валового дохода в %/о выражался так:

От земледелия	От животноводства
Зерновые	Молочные продукты
Сено	Крупный рогатый скот
Корнеплоды	Свиноводство
Технические	Овцеводство
Овощи и фрукты	Лошади
Табак, виноград и т. д.	Птицеводство
	Пчеловодство
	100

ных построек, мертвого инвентаря и текущий ремонт, и, во-вторых, весь оборотный, иными словами — все восстановление вещного оборотного капитала или издержки с.-х. производства — в узком значении этого слова (семена, корма, ремонт стада).

Все издержки по восстановлению капитала для тех же 50 губерний выражались в сумме 3.211 млн. руб., или 37% валового дохода, таким образом, чистый доход равнялся 5.349 млн. руб., или 63% валового дохода.

Чистый же избыток, сверх личного потребления с.-х. продуктов своего производства или, другими словами — вся покупательная и платежная сила сельского хозяйства 50 губерний (кроме, конечно, внеземледельческих крестьянских заработков) равнялась 1.025 млн. руб.

На основании этих данных общий баланс с.-х. производства 50 губерний выразится следующим образом:

Д о х о д		Р а с х о д			
	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%	
Капитал по восстановлению с.-х. затрат	3.211	37,5	Издержки по восстан. с.-х. капитала (семена, корма, ремонт скота)	2.921	34,1
Земельная рента (5% стоимость с.-х. площ.)	1.414	16,5	Расход на амортизацию	290	3,4
Процент на капитал (5% стоимости всего с.-х. капитала)	622	7,3	Сельское личное потребление своей продукции	4.324	50,6
Оплаченный с.-х. труд	3.313	38,7	Чистый избыток	1.025	11,9
Баланс	8.560	100	Баланс	8.560	100

Если мы вычтем из баланса в доходной его части капитал по восстановлению с.-х. затрат (3.211 тыс. руб.), а в расходной — соответствующую сумму издержек по восстановлению основного и оборотного капитала (2921 + 290), то баланс чистого дохода сельского хозяйства тех же 50 губерний выразится так:

Д о х о д		Р а с х о д			
	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%	
От земельной ренты	1.414	26,4	С.-х. потребление своих продуктов	4.324	80,9
% на капитал	622	11,6	Чистый избыток	1.025	19,1
Плата за с.-х. труд	3.313	62,0			
Баланс	5.349	100	Баланс	5.349	100

Цифры этого баланса говорят следующее:

1) Сельскохозяйственное личное потребление произведенных продуктов составляет 81% всего продукта земли и животноводства.

2) Весь фонд на покупку чужой продукции (фабрикатов и пр.), на расширение с.-х. капитала (накопление) и на уплату налогов, или, как мы уже сказали, вся покупательная и платежная сила сельского хозяйства 50 губерний, составлял только 19% всего производства.

Переводя это на душу с.-х. населения этих губерний, получим, что земледелец из своего производства сам потреблял на 40 р. 80 к. (сюда входит и оплата наемного труда), а отчуждал на все вышеперечисленные нужды только на 12 р. 60 к. Если валовой доход сельского хозяина Швейцарии, как мы указали выше, в 6 раз превосходил наш, то это значит, что в то время как наш земледелец получал от земледелия прибыли 12 руб., швейцарец — 72 руб.

3) Львиную долю доходной части баланса составляет плата за труд — 3.313 млн. руб., или 62% всего дохода.

Однако, посмотрим, сколько наш земледелец отдавал труда.

Довоенные бюджетные исследования по разным губерниям дают весьма устойчивую цифру с.-х. трудовых затрат, которая в переводе на душу с.-х. населения колеблется в тесных пределах от 30 до 40 дней в год.¹

Рыночная заработная плата по 50 губерниям за 1911—15 гг. (в средних весенних и летних с.-х. ценах), по вычислениям Г. Студенского, в среднем равнялась 92 коп.

Теперь, если поделить стоящую на балансе сумму оплаты труда 3.313 млн. руб. на среднее число затраченных в сельском хозяйстве в течение года трудовых дней, то мы получим, что оплата одного дня с.-х. работы на душу сельского населения 50 губерний колебалась от 80 коп. до 1 руб. 10 коп.

Эта оплата совпадает с рыночной зарплатой с.-х. труда в указанный период.

Выводы из рассмотренного нами баланса нашего недавнего прошлого безотрадны. В нем ясно обнаруживаются и низкая доходность сельского хозяйства на душу земледельческого населения и слабое использование сельского труда, и низкая заработная плата на с.-х. рынке, и бедность сельского хозяйства капиталами и полунатуральный его характер.

Хозяйственная жизнь страны не давала нашему крестьянину высокой оплаты труда и держала его под гнетом печальной необходимости терять, по крайней мере, $\frac{2}{3}$ своего рабочего времени, не имея возможности с выгодой вложить в сельское хозяйство больше чем $\frac{1}{3}$ года (мы имеем в виду работу только взрослого работника).

В этом последнем — в недостаточности трудоемкости сельского хозяйства — кроется основная болезнь и не только нашего, но даже и американского сельского хозяйства.

¹ В расчете на взрослого работника с.-х. затраты труда выражаются в пределах 70—80 дней в год.

По данным Челинцева затраты с.-х. труда в земледелии в переводе на душу по 9 губерниям Европейской России колебались от 17 дней (Таврич. и Москов. губ.), до 25 дней (Саратовская губ.)

В животноводстве в % от земледельческих трудовых затрат они колебались от 49,8% до 82,4%.

Правда, при рассмотрении развития сельского хозяйства в общем его масштабе за недавний период обнаруживается на первый взгляд странный вывод, а именно то, что интенсивную форму с.-х. производства побеждало, хотя и временно, экстенсивное производство.

Самый наглядный пример этому дает Америка за период с 1880 по 1890 гг. В 80-х годах прошлого столетия в восточных штатах Америки наблюдался такой же кризис, что и в 1921/22 г., но только в гораздо большем масштабе.

Заброшенные, оставленные фермы тогда являлись самым характерным признаком с.-х. жизни этих штатов. Возникали целые округа, в которых вообще не оставалось населения ферм. Цены на землю быстро падали. Владельцы этих ферм, занимавшиеся исключительно хлебопашеством на интенсивно обработанных землях, переселились либо на запад Америки, либо в центры промышленности.

Причиной этого явления был колоссально быстрый расцвет западных штатов Америки.

В 1850 г. доля северо-атлантических штатов в урожае пшеницы всей страны составляла 31%, а в 1900 г. она упала до 5%.

Несмотря на все бедствия от конкуренции дешевых с.-х. продуктов западных штатов, восточные не только не погибли, а окрепли, приспособившись к новому изменению обстановки. Уже с 1900 г. началось это оздоровление. Заброшенные фермы нашли своих новых хозяев, более трудолюбивых, чем прежние, в большинстве из эмигрантов Европы (ирландцы, шведы, немцы и т. д.).

Эти новые хозяева не только восстановили фермы, но и стали прикупать новые участки.

Правда, и внешний вид фермы и структура самого хозяйства совершенно изменились.

Новые фермеры перешли к производству таких продуктов, недостаток которых ощущался на рынках близлежащих больших городов.

Этот пример характерен для объяснения сельскохозяйственных сдвигов и в нашей стране.

Расширение посевных площадей в наших южных степях, при экстенсивной обработке плодородных и нетронутых степных пространств, безусловно ускорило и выявило процесс оскудения нашего сельскохозяйственного центра.

Недостаток сельскохозяйственных знаний, плохая ориентировка в быстром понимании причин кризиса и неподвижность в изменении типа хозяйства, — не дали возможности нашему земледельцу центральной полосы размежеваться с югом, как это сделали фермеры восточных штатов Америки. От этого произошло то, что Кубань и Новороссия не только должны были выполнять роль экспортеров их хлебных массивов, но и подкармливать несумевший приспособиться к дешевому производству и постепенно оскудевший центр.

Конечно, юг кормил наш центр не на началах благотворительности, и потому цена на озимую пшеницу за пятилетие (1904—1909 гг.), например, в Ельце поднялась на 37%.

От оскудения центра в конечном счете выигрывал наш юг, а больше всего американский фермер, при чем этот выигрыш получался не в силу человеческих дурных качеств, а в силу законов экономики.

На рынке, по закону безразличия, устанавливается однообразная цена на все однообразные сельскохозяйственные продукты, независимо от их индивидуальной стоимости производства.

Мировой рынок даже в последние годы перед войной еще не был достаточно снабжен сельскохозяйственной продукцией Нового Света и потому нуждался и в нашей сельскохозяйственной продукции.

За период с 1900 по 1909 гг. он извлек из России в первое пятилетие 3,8 млн. тонн пшеницы, а во второе — 3,8 млн. тонн.¹

Но для того чтобы весь спрос на продукт был покрыт, необходимо, чтобы цена покрыла издержки производства и самого дорогого продукта, еще требующегося на рынке, т.-е. наивысшие издержки.

Такими издержками и были издержки оскудевавшего, но все же еще продававшего свою с.-х. продукцию центра.

Анализ этих издержек нами дан при рассмотрении сельскохозяйственного баланса. Физический, к тому же недостаточно интенсивный и мало вооруженный орудиями производства труд нашего крестьянина центральной полосы, при убывающем плодородии почвы, и был тем барьером, за которым наш юг, а главным образом, американский фермер считали свои „барыши“ от обильного плодородия своих новых девственных степей и прерий.

Но эти „барыши“ были недолговечны, как недолговечно оказалось и плодородие почвы. Золото прибылей привлекло в эту отрасль сперва взгляды людей, а затем и их труд и капитал и манило их до тех пор, пока не понизило рентабельность этой отрасли хозяйства.

Что же касается плодородия почвы, то и наш крестьянин и американский фермер еще и до сих пор недостаточно усвоили в своем деле той аксиомы, которая промышленностью уже усвоена давно, а именно — что только учет амортизации гарантирует производство от краха.

Земледельцы обычно начинали дело на девственной почве и, продавая свой урожай, в сущности, продавали плодородие почвы, т.-е. свой основной капитал.

В нашей действительности эту распродажу своего основного капитала, незаметно для себя, сперва сделал наш оскудевший центр, затем Украина, а затем начинает ее оканчивать и наш юг.

Но в этом деле мы оказались не одинокими.

¹ Цифры взяты из статьи И. Гершмана, „Новейшие успехи в области изучения сельскохозяйственных конъюнктур“. „План. Хоз.“ № 1 за 1927 г.

Жалобы Чэза на расточительность, сетование Форда и других американских экономистов указывают, что американский фермер занимается и ныне не производством с.-х. продуктов, а добыванием „плодородных“ руд из земли, хищнически расточая ее естественные богатства.

Однако, рука Немизиды в образе неверно до сих пор трактуемого закона об убывающем плодородии почвы заставляет земледельца более действительными мерами, чем проповеди экономистов, учиться основным правилам экономики.

Так, постепенно, на примере убывающей рентабельности, он пришел к мысли о необходимости гораздо более реальных амортизационных отчислений из своих убывающих прибылей.

Так, в настоящее время он уже начал сомневаться в необходимости расширения своих посевных площадей и присматриваться более вдумчиво к своему небольшому хозяйству с целью извлечь из него максимальный и более постоянный доход.

Земледелец начал уже понимать, что рост продукции возможен без возрастания издержек не только путем захвата пустопорожних плодородных земель, к тому же уже почти повсеместно занятых, но и другими путями.

Он стал сокращать издержки производства и на единицу продукта и на единицу площади по всему пути прохода этого продукта, от зерна, брошенного в землю, до покупателя отдаленных территорий.

Сокращение издержек на единицу продукта он начал со сбыта, так как те прибыли продавцов, о которых мы уже говорили, слишком резко бросались ему в глаза.

Этот путь и привел американского фермера к кооперативной организации сбыта своей продукции, к элеваторам и той структуре взаимоотношений элеваторов и сельскохозяйственных банков, которая позволяет фермеру сохранить расписку элеватора на свой продукт считать почти вексельным обязательством, учитывая ее в банках путем „жиро“.

Та же потребность — сокращение издержек — привела фермера к мысли о совершенствовании транспортной техники; не говоря уже о целой сети холодильников по линиям железных дорог, о прекрасных шоссейных дорогах, она создала возможность, например, доставки в Нью-Йорк в вагонах-холодильниках свежего молока из таких отдаленных штатов как Нью-Джерсей и Пенсильвания, а скота на чикагские бойни из самых отдаленных мест Америки. Недаром железнодорожный тариф явился на последних выборах президента Соед. Штатов боевым лозунгом, сплотившим фермеров.

Так, постепенно, на основе сокращения издержек, в Америке создаются новые формы торговли, транспорта и кредита.

Рост кооперации в нашем Союзе указывает, что и у нас в области сбыта начался перелом, что и мы уже стали отходить от рутины сбыта с.-х. продукции.

Но, ведь, до сбыта продукт должен быть произведен, и какого бы умения ни достиг земледелец в сбытовых операциях, он тем самым не станет хорошим земледельцем.

Если земля дает 0,8 тонны с десятины, то никакие способы сбыта не поставят земледельца в равные условия с тем, у которого десятина дает 6 тонн.

„Центральная проблема сельского хозяйства связана не со сбытом, а с обработкой земли под хлеб, фрукты и овощи или с добыванием молочных продуктов“.¹

Но и здесь также начались сдвиги. Сокращение издержек на единицу продукта началось в области технической переработки сельскохозяйственных продуктов и, главным образом, молока.

Кооперативная форма организации в этом деле завоевывает позиции как у нас, так и в Америке. Однако, работа в направлении технической переработки сельскохозяйственного сырья на месте производства только начинается.

Прогресс индустриализации народного хозяйства вырвал из-под рук земледельца, увлекшегося в это время пространством, все прибыли от переработки земледельческого продукта, оставив ему одну механическую работу — по производству растительных и животных веществ.

Так как важнейшая работа в сельском хозяйстве совершается живой клеткой, консервирующей солнечный луч в органическое вещество, то земледелец, приготовив землю для клеточной жизнедеятельности, стал исполнять роль „наседки“, забывая, что время человека стоит дороже и что ферма, у которой отняли переработку продукта, уже не в состоянии его прокормить целый год.

Тогда земледелец принялся за механизацию по подготовке почвы и для уборки урожая.

Механизация, как мы уже видели, быстро сократила издержки, но уже совершенно оголила ту истину, что работа земледельца — сезонная работа.

„На нашей Дирборнской ферме во время запашки, — пишет Форд, — мы пускаем в ход сразу 50–60 тракторов. Все главные с.-х. операции на ферме производятся также механическим способом. Благодаря этому работа на ферме происходит в течение лишь 15 дней в году, при чем производительность земли поддерживается на высоком уровне“.

Итак, когда земледелец свалил свой физический труд на плечи машины, работа на ферме заняла 15 дней. Из этого он сделал еще один вывод в практическом его применении.

Он начал увеличивать продукцию на единицу площади.

Оказалось, что земля, которую раньше завоевывали кровью убитых, может быть создана трудом, при чем еще неизвестно, какие

¹ Г. Форд, „Сегодня и завтра“.

пространства человек может создать путем своего гения, не увеличивая, конечно, физической поверхности земли.

Изложенное раньше сообщение Гирша о больших массивах земли из воздуха, путем комбинированного азотного удобрения, очень симптоматично для переживаемого сдвига в области сельского хозяйства.

Если к этому прибавить новые усовершенствования в области техники обработки земли (например, работы Тимирязевской с.-х. академии), селекционные достижения, культуру светоемких растений и, наконец, разведение более продуктивных видов в области животноводства, то мы и придем к выводу, что земная поверхность может быть замещена трудом и капиталом на основе более производительных, но не более дорогих методов с.-х. производства.

А с другой стороны, мы подойдем к пересмотру „закона“ об убывающем плодородии земли или — что то же — падающей производительности с.-х. затрат, на основах которого построены целые отделы буржуазной экономики, с их мрачными для человечества предсказаниями.

К сдвигам сельского хозяйства в сторону увеличения продукции на единицу площади особенно необходимо присмотреться нашему крестьянину в связи с перенасыщенностью деревни населением и сравнительно малым оттоком его в города.

Сдвиг в этом направлении характерен тем, что он не выбрасывает физический труд, как ненужный, при механической обработке земли, а наоборот, присасывает человека к земле, требуя от него вдумчивой и производительной работы и давая ему за это крупную прибыль.

Все перечисленные условия, создающие возможность роста с.-х. продукции и рентабельности с.-х. производства, без возрастания издержек, нами взяты не как стадии исторического развития с.-х. хозяйства, а как процессы сегодняшнего дня в различных типах хозяйства.

Конечно, для наших южных степных пространств при их мало-населенности тракторизация является насущной потребностью, в то же время для нашего центра с его перенасыщенностью физическим трудом та же тракторизация будет механическим, а не органическим вливанием уже ненужного труда и т. д. в зависимости от экономической и физической структуры данного типа хозяйств.

На примерах живой действительности мы пересмотрели тезисы Касселя,¹ в которых он указывает способы преодоления удорожания с.-х. продукции при расширении этой продукции, а с другой стороны — указали на повышение рентабельности сельского хозяйства путем возврата прибылей, ушедших из сельского хозяйства в другие руки.

Но если промышленность ежечасно вкладывает дополнительные капиталы в свое производство, то по этому пути должно идти и сельское хозяйство.

Разницы между ними нет.

Сельское хозяйство хочет или не хочет, а должно превратиться из сельского ремесла в предприятие для производства продовольствия.

И там и здесь должна быть выработка массового продукта стандартизованного типа. И там и здесь для жизнеспособности предприятия должен быть такой подбор затрат, чтобы себестоимость единицы продукта была минимальной, а чистая выручка на единицу затрат максимальной.

Это — принцип наименьших издержек, которому подчиняется все развитие техники как в индустрии, так и в сельском хозяйстве.

И только тогда, когда земледелец вложит в свой продукт столько же производительного труда, сколько рабочий вкладывает в свое производство, только тогда цены на с.-х. продукт достигнут нормальной высоты и раствор „ножниц“ доходности их труда прекратится.

Старое земледелие умерло, но не только в Америке, — оно умирает и у нас.

Главнейшие причины его гибели:

- 1) распродажа по частям основного капитала земледелия — естественных богатств почвы;
- 2) расширение площадей запашки за счет их интенсивной обработки;
- 3) недостаточное вложение в сельское хозяйство в сравнении с остальной промышленностью продуктивного годового труда.

Для нового земледелия нужны и новые люди.

Та крестьянская молодежь нашего Союза, которая, по выражению Форда, смотрела на тракторы при посещении его заводов „с романтическим восторгом“, уже перенесла эти „романтические“ взоры и на наши пашни и на свой творческий труд.

¹ Г. Кассель, „Теория экономики“, стр. 253.